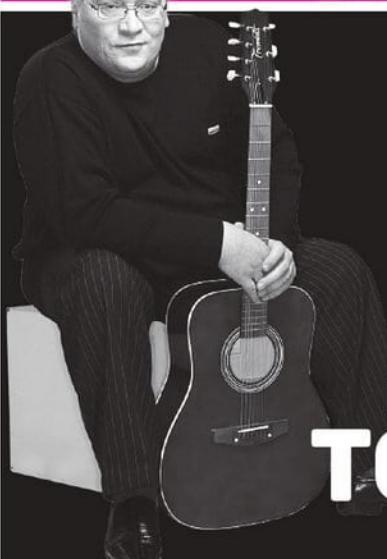

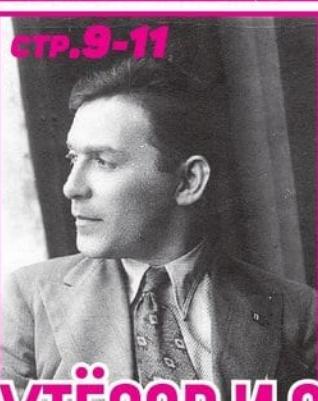
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр.14-15

МОЙ ДРУГ ТОЛЯН

стр.9-11

УТЕСОВ И ЗОЩЕНКО: В РАДОСТИ И В ГОРЕ

№32 (113)
АВГУСТ 2022

стр.6-8

ПОНИМАЯ СМЫСЛ ЖИЗНИ

ЖЕНСКАЯ КОМБИНАЦИЯ

стр.16-17

УТЁСОВ И ЗОЩЕНКО: В РАДОСТИ И В ГОРЕ

Ко дню рождения Михаила Зощенко

Леонид Утёсов

Леонид Утёсов
на сцене,
фото Е. Явно

Михаил Зощенко

Михаил Зощенко, шарж Б. Ефимова

Эдуард Амчиславский

Уникальный писатель-сатирик, чьими произведениями зачитывалась страна, Михаил Зощенко родился 9 августа (28 июля по старому стилю) 1894 года в Санкт-Петербурге.

Предлагаю некую мозаику фактов, воспоминаний о дружбе Леонида Утёсова и Михаила Зощенко. ***

Леонид Утёсов, который долгие годы дружил с писателем, исполнял его произведения со сцены, в своей книге «Спасибо, сердце!» писал:

«Зощенко всегда был грустным человеком. И его смех подобен голубовому — он был сквозь слезы... Он скрబел, что люди никак не научатся жить благородно, разумно, красиво, что они постоянно и упорно делают глупости...».

О дружбе Леонида Утёсова и Михаила Зощенко я впервые прочитал в воспоминаниях композитора Никиты Богословского. Вот как описывал Никита Владимирович свое знакомство с Леонидом Осиповичем:

«Нас познакомила его дочь Эдит. Когда мне было лет восемь, я пошел с нашим классом на спектакль. Рядом со мной в театре сидела девочка, которая ужасно вертелась. В антракте мы познакомились, и она пригласила меня на день рождения.

...Знакомых нет никого, кроме одного мальчика — Алика Менакера, к которому я ходил на елку и на день рождения. Эдит сказала, что будем обедать вместе с взрослыми. Мы все запротестовали, мол, с ними неинтересно, скучно. Однако она нас убедила, и мы были вынуждены праздновать с взрослыми. Взрослые были такие — Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Владимир Маяковский, Владимир Сорокин, Владимир Городицкий...».

Предполагаю, что к моменту написания этих воспоминаний композитор чуть ошибся в дате. Восемь лет Никите исполнилось в 1921 году. А в воспоминаниям самого Леонида Утёсова:

«Я попросил директора "Свободного театра", в котором тогда выступал, святить меня с Михаилом Михайловичем Зощенко, который, как я узнал, жил тогда в Ленинграде.

Это был 1922 год. Мы встретились в кафе. Я увидел человека, которого только что описал. Он был моложе меня на год, ему было тогда 26 лет».

Один год — незначительная ошибка. В беседе с тележурналистом Глебом Скородовским Леонид Осипович говорил:

«Я по многим причинам с благодарностью вспоминаю "Свободный театр", но особенно потому, что именно здесь в двадцать втором году я начал читать рассказы Зощенко».

Утёсову повезло: по его словам, Зощенко стал одним из лучших друзей, что были в жизни. «Мы дружили, мы любили друг друга», — признался Утёсов.

С 1922 года Леонид Утёсов включил рассказы М. Зощенко в свой постоянный репертуар. ***

Владимир Коралли, земляк и младший коллега Утёсова по сцене, вспоминал о совместной работе летом 1924 года в Московском театре «Аквариум»:

«В программе Л. О. Утёсов играл с комедийной артисткой Даминской в скетче "Вместо дебюта", читал рассказы Бабеля и Зощенко, диригировал пародийным "Комическим хором". Состав хора постоянно менялся. Утёсов приглашал в него участников программы, которые исполняли "типажные роли».

В тот же период на страницах журнала «Новый зритель» среди множества объявлений было и такое:

«Летний эстрадный театр. Ежедневно Леонид Утёсов в новом жанре — рассказы Зощенко. Изабелла Юрьева — исполнительница цыганских романсов в своем репертуаре. Л. Спокайская и М. Мономахов — танцы».

А к концу лета 1924 года Леонид Утёсов приезжает в родную Одессу.

«Уважаемый товарищ» М. Зощенко. Сцена из спектакля. Слева направо Л. Утесов, С. Каюков, С. Рейт. 1929

Сцена из спектакля «Уважаемый товарищ». Елена Филипповская, Леонид Утесов, Степан Каюков

Окончание. Начало на с. 9

Сотрудница Одесского областного архива Нина Кесова прислала нам следующую информацию:

«Текст одесской афиши, где расписана программа сборного концерта, устраиваемого в яхт-клубе, 23 августа 1924 года. И первая строка в ней: "Л. Утесов. Рассказы Зощенко", а внизу, после перечисления всех участников концерта, приписка: "Все артисты выступают, как члены Пролет. совет. клуба".

А в кратком репортаже одной из одесских газет сообщали:

«30 августа 1924 года в Одесском городском саду была дана "последняя прощальная гастроль и бенефис Леонида Осиповича Утесова... при участии артистов Н.А. Сальникова и Л.П. Харламова". Показывались музыкальные инсценировки "Царь и шут" и "впервые в Одессе, полностью прошедшая с колossalным успехом в Москве и Ленинграде, "Вода дыбом" — пародия на театр". В этом же представлении Утесов исполнял под гармонь цыганские романсы и читал так любимые им рассказы Зощенко. "Только один день!", — значилось в тексте афиши».

В 1927 году Леонид Утесов выехал на гастроли в Ригу (тогда столицу буржуазной Латвии), где выступал в театре-варьете «Маринэ».

Он выступил в скетче «Ну и денек», в пьесе «Арон Цудик», сценке «Коломбо» и спектакле «Менделей Маран», а затем читал рассказы М.Зощенко. Кроме Риги, с этой же программой Утесов выступал в других городах Латвии и Эстонии. И везде успех был большой.

Вернувшись из зарубежных гастролей, Утесов продолжает выступления в Москве. Глеб Скороходов в одной из своих книг писал:

«1928 год. Московский мозик-холл. В афишах имя этого артиста давалось "красной строкой" — оно было хорошо знакомо зрителям.

«Гастроны Леонида Утесова» всегда обещали яркое зрелище и неожиданности.

Так было и на этот раз. Утесов начиндал выступление с веселого рассказа Михаила Зощенко «Герой». Публика от смеха утирала слезы. Сам автор, кстати, человек не склонный к смеху, слушая свои рассказы в утесовском исполнении, почтительно смеялся. Специально для Утесова он "правил" свои журнальные публикации — делал их, как он сам говорил, пригодными для чтения с эстрады. Затем шла «Матреница» — рассказ того же Зощенко, но совсем иного плана, — одно из тех произведений, в котором запечатлена «великая грусть» автора. И если в зале снова возникали слезы, то не от смеха.

Публика еще аплодировала, еще не успела пережить чувство острого страдания к героям «Матреницы», а Утесов, не выходя на аплодисменты, неожиданно появлялся в зале — в проеме входной двери.

Звучал оркестр, и артист, играя на скрипке, медленно шел по проходу между рядами. Он был в смокинге и цилиндре. Другой человек, другой жанр.

но у Зощенко, произошло не с кем-нибудь, а со мной лично. Убеждения героя в правоте своих суждений о людях, в коварстве жизни и прочем становились моими. Такая вот истоведь с эстрады. И зрители не только слышали анекдотическую историю, а воочию видели того, с кем она приключилась. И смеялись и над сюжетом, и надо мной.

Зощенко в самом деле, как и Гоголь, смеется сквозь слезы, и, если разобраться, все его рассказы грустны. Не снаружи, а где-то в глубине.

Осенью 1929 года Леонид Утесов и «Теа-джаз» возвращаются в Ленинград. Буквально на следующий день после возвращения Зощенко приходит к Утесову и протягивает свою новую пьесу «Уважаемый товарищ».

— «Уважаемым товарищем станешь ты», — говорит Михаил Михайлович. — Главная роль писалась для тебя, никого другого в ней не вижу и видеть не хочу.

Постановку пьесы в Театре сатиры взял на себя Давид Гутман, давний друг Утесова. Как вспоминал Утесов, «Через две недели работы по десять часов в день спектакль увидели зрители. И шел он ежедневно при полных залах».

В своей книге «Леонид Утесов. Друзья и враги» Глеб Скороходов пишет:

«В чем же причина таких аншлагов? Их несколько. Прежде всего, актерский состав. Утесов, уже достигший, казалось, пика популярности, особенно после победы «Теа-джаза», который, кстати, и на этот раз являлся для публики заманчивой приманкой. Помимо этого, в основных ролях выступили известные всему городу острохарактерные Елена Филипповская (Анися Николаевна, жена Барбарисова) и талантливый комик Степан Каюков (улитомченный квартиры — нелепая по сегодняшним меркам должность). Тот самый Каюков, что прославился чуть позже на всю страну кинематографом: его паренька Дему из «Юности Максима», юмористического профсоюзника Усынина из «Большой жизни», директора-пугающего Кирилла Петровича из «Трактористов» знали все. Не забудем и режиссуру сшевшего на эстраде собаку Давида Гутмана, придавшего действию такой динамизму, что оторваться от сцены было невозможно.

Но главное, конечно, в самой игре Зощенко. Лучшей из тех, что он создал».

И еще один факт. Вскоре после премьеры «Уважаемого товарища» «Красная вечерняя газета» провела опрос: «Кто самый любимый и известный человек в Ленинграде?». Большинство читателей отдали первые два места Михаилу Зощенко и Леониду Утесову.

Утесов всегда чувствует дружескую поддержку Зощенко. Писатель практически не пропускал ни одной новой утесовской программы. Всегда находил время уединиться с артистом, обсудить программу.

Когда Утесов искал переводчика для создания песни о неисправимом опти-

МИХ. ЗОЩЕНКО

ИЗВРАННЫЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

МИХ. ЗОЩЕНКО

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

М. ЗОЩЕНКО

ТАЖЕЛЬЕ ВРЕМЕНА

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Издания юмористических рассказов Михаила Зощенко

мисте старичке-еврее, именно Зощенко порекомендовал ему поэтессу Елизавету Полонскую.

И Полонская пишет стихотворение «Дядя Эля», ставшее на музыку Николая Пустынника одной из лучших песен утешного репертуара.

Война разлучила друзей, и встретились они в Ленинграде уже только 10 апреля 1944 года — в день освобождения Одессы от немецко-румынских оккупантов.

Рассказывает Глеб Скородюк:

«Появление в тот же вечер за кулисами после концерта Зощенко для Утёсову стало еще одним подарком.

— Как ты узнал, что я здесь? — воскликнул Утёсов.

— Во-первых, я пока не разучился читать — улыбнулся он. — Во-вторых, еще не тут на ухо, а радио говорило о тебе всечасно. В-третьих, как же можно сегодня не выпить со здессытом!

В гостинице «Европейской» они засиделись допоздна. Зощенко похвалил военные песни, из которых преимущественно состояла программа концерта. Утёсов бодро сообщил о своих военных маршрутах, о выступлениях в госпиталях, в одном из которых главврач, заглянувший случайно в зал, увидел, как после рассказа Зощенко безудержно гоготут раненые, и тут же приказал:

— Челюстники, на выход! Смех вам противопоказан!

Рассказал о том, каким хохотом встречают любая аудитория зощенковскую военную «Рогульку», что он читает в каждом концерте. И теперь обязательно включает ее в новую программу «Салют».

Последняя встреча друзей произошла в конце 1940-х.

Леонид Утёсов

Михаил Зощенко

Состоялась она после позорного постановления сталинского ЦК КПСС и доклада главного идеолога партии А. Жданова, в которых Зощенко покрыли отборными ругательствами, обвинили в дезертизме, трусости, предательстве. И объявили беспрочный приговор, не подлежащий обжалованию: все, написанное писателем, — издавательство над советским народом, плод заклятого врача. Началась травля Зощенко.

Общие знакомые Утёсова и Зощенко отмечали, что Леонид Осипович был одним из немногих людей, кто поддержал опальный и покинутый «бывшими друзьями» Михаила Зощенко, помог ему деньги, пригласил к себе домой.

Антонина Сергеевна Ревельте, в те годы актриса Утёсовского оркестра, вспоминала:

«Наш оркестр оказался в Ленинграде как раз в то время, когда на Михаила Михайловича Зощенко обрушилась опала, даже друзья отвернулись от него. Едва

войдя в гостиницу, не раздеваясь, Утёсов стал звонить Зощенко:

— Миша, я в Ленинграде, сейчас же приходи, я жду тебя.

Зощенко был потрясен этим звонком. Звонки давно уже в его доме не раздавались.

— Да, я сейчас приеду, — радостно отклинулся он. — Как ты не побоялся?

— Я тебя всегда любил и буду любить. Всегда был твоим другом и буду им. Приходи.

— Я иду.

Ульяшев этот разговор, я попросила у Леонида Осиповича разрешения приступить при этом встрече.

Вошел Зощенко — бледный, худой, с какими-то запавшими, безумными глазами. Идет... Достаточно сказать, что на руках пиджака висела бахрома.

За обедом Михаил Михайлович рассказал, как даже на улице многие, встречая его, начинают рассматривать витрины и вывески.

— За что мне все это? Что я такого сделал? — с недоумением и обидой повторял он.

Утёсов утешал его, как мог, и только говорил:

— Миша, переретри это мрачное время. Ты всегда был талантлив, и этого у тебя никто не может отнять. Я, наблюдая эту сцену, щипала себя, чтобы не разреветься».

А Утёсов в своих воспоминаниях отмечал:

«Зощенко сообщил, что печатать его всюду отказываются, всё, что передавал в издательство, пришло обратно.

— Я думаю, не вернуться ли мне к профессии сапожника, — заметил писатель.

— Я же умел когда-то тачать сапоги. Руки такие не забывают. Особенно, если литература стала для них запретным делом.

Я предложил Михаилу Михайловичу выйти прогуляться. Он согласился. Мышли вдоль канала, долго молчали. Увидев афишу о моих гастролях, я рассказал, что привез программу, посвященную восьмисотлетию Москвы, пригласил послушать ее. Он сослался на недомогание, заметив, что «антитриптика» на такой спектакль не пустят. Игорю заговорил о том, что никогда не сможет пойти этого постановления. Потом снова замолчал, как будто что-то в нем вдруг потухло.

А когда мы прощались, пробормотал:

«Может, все это рассосется?»

На моя звонки он больше не отвечал.

В 1981 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников». Одна из ее глав — «Большой человек» — утёсовская.

Книга «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников»

Леонид Утёсов

Жил-был на свете чудесный человек и замечательный писатель. Звали этого человека Михаил Михайлович Зощенко.

Был он невысокого роста, с очень складной физиономией. А лицо... Лицо у него было, по-моему, необыкновенное.

Смузгий, темноволосый, он, мне казалось, чем-то походил на индуса. Глаза у него были грустные, с высоким приподнятым бровями.

И ведь он был писателем-юмористом, из тех, о ком обычно думают: ах, какие это веселые люди!..

Я встречал много писателей-юмористов, но должен сказать, что редкие из них были веселющими. Увы, в большинстве своем это были грустные люди.

Поэтому поводу мне хочется рассказать одну притчу. Заранее прошу тех, кто знает ее, простить меня.

В одном столичном городе жил и работал известный профессор-невропатолог. Много грустных людей перевидел он на своем веку. Но однажды к нему в качестве пациента явился человек, который поразил даже своим унылым, почти трагическим видом.

— Профессор, — сказал пациент, — я близок к смерти, хотя, по утверждению врачей, ничем не болен. Единственная моя беда — мое настроение. Кажется, у вас в медицине она именуется черной

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

меланхолией. Никто и ничего не может вывести меня из этого состояния. Я близок к самоубийству. Помогите мне, если можете!

— Ну, что ж, — сказал профессор, — я дам Вам одно лекарство. Это травы, их привозят из Индии. Вы будете принимать настой из этих трав, и через месяц они превратят Вас в человека, довольно-го жизнью.

Пациент поблагодарил профессора и, захватив рецепт лекарства, ушел.

Прошел месяц, и он вновь появился в кабинете профессора.

— Ну, что, полегчало? — спросил профессор. — Помогло Вам мое лекарство?

— Нет, — сказал пациент, — тоска моя не прошла.

— Что же мне с Вами делать? — развел руками профессор. — Продолжайте пить травы и непременно ходите в театр. Сейчас там идет очень смешная, очень веселая оперетта. Она Вас, надо полагать, выведет из тоскливого состояния.

Через неделю пациент появился вновь.

— Был в оперетте, — сказал он. — Но и это не помогло мне. Мало того, стало еще грустнее.

— Ну что ж, — скрупульно сказал профессор, — последнее, что я могу предложить Вам, это сходить в цирк.

Там выступает клуун, про которого говорят, что нет человека, которого бы он не рассмешил. Гляди на него, я и сам хотохал до упаду. Сходите в цирк, посмотрите этого клууна. Я уверен, что это поможет Вам выздороветь.

— Увы, дорогой профессор, — отвечал пациент, — я не могу этого сделать.

— Но почему же?

— Потому что я есть тот самый клуун, о котором Вы говорите.

Эта притча лишний раз свидетельствует о том, что смешить могут и грустные люди.

Я не помню, кто именно, но кто-то из великих театральных деятелей сказал: «Ищите в трагедии смешное, а в смешном — трагическое».

Может быть, я неточно цитирую эту фразу, но смысл ее именно таков.

Зощенко писал уморительно-смешные рассказы. Но человеком он был неизменно печальным.

Даже рассказывая о чём-нибудь очень забавном, он не улыбался, и в глазах у него была грусть.

На следующий день я попросил директора «Свободного театра», в котором

он никак не желал примириться с тем, что люди не умеют жить красиво и слишком часто делают глупости. И он смеялся над ними, чтобы убедить их жить иначе, умнее, достойнее.

Есть у него рассказ «Беда» о крестьянине, несколько лет копившем деньги на лошадь. Два года он жил как нищий, чтобы собрать деньги, и наконец, осуществил свою мечту. Эта покупка стала истинным праздником в его жизни. И, ведя лошадь домой, он почувствовал, как разделяет его и требует выхода. Нужно было с кем-то ее разделить. Он пригласил земляка всплынуть покупку, они принесли бражничать, и кончились это тем, что крестьянин пропил только что купленную лошадь.

Рассказ этот написан смешно, но грустен в нем подводный течением, и весь он — о слабом человеке, о горестной его судьбе и неумении победить свою слабость.

Кончается этот рассказ так:

— «Дядя, мылья братишка! — сказал Егор Иванович. — Как же это? Два года ведь зря солому лопал за какое-то самое... Вином торгуют...»

Земляк махнул рукой и пошел в город.

Казалось бы, юмористический рассказ, а сколько в нем грусти. Недаром он называется «Беда»!

Однажды был я в доме, где собралось в этот вечер много гостей. Устав от шума, я ушел в кабинет хозяина, чтобы хоть несколько минут посидеть в одиночестве. На стole лежала книжечка со странным рисунком на обложке. На нем был изображен опрокинутый чайник, и называлась книжечка неохиданно — «Аристократка».

Я решил перелистать ее. Первый рассказ был от самого автора, который дал ей название. Это была знаменитая ныне «Аристократка».

Не помню, смеялся ли я когда-нибудь так неудержимо, как в этот раз.

Дочитав рассказ, я выбежал в столовую, и, пытаясь перекричать пирующих, всхлипнул: «Молчите и слушайте!»

Общество, которое к этому времени было несколько наивеселее, послушно умолкло.

Я стал читать, и через минуту все мои слушатели, что называется, помирали со смеху.

На следующий день я попросил директора «Свободного театра», в котором

тогда выступал, связать меня с Михаилом Михайловичем Зощенко, который, как я узнал, жил тогда в Ленинграде.

Это был 1922 год. Мы встретились в кафе. Я увидел человека, которого только что описал. Он был moltoje мене на год, ему было тогда 26 лет.

Со свойственной мне горячностью я наговорил ему уйму восторженных слов и попросил разрешения выступать с членением его рассказов.

И в тот же вечер, выучив ее наизусть, я прочитал «Аристократку» со сцены «Свободного театра». С той поры я не расставался ни с автором, ни с его сочинениями, которые я постоянно включал в свой репертуар.

Позднее в Ленинградском театре сатиры я играл в его пьесе «Узакийский товарищ».

А потом случилась беда. Зощенко были приписаны мысли и сатирические намерения, которых у него никогда не было. Началась тяжелая пора его жизни.

Не знаю, нужно ли нынче просить упреки тем, кто в то тяжелое для Михаила Михайловича время не проявил к нему дружеского участия, не оказал ему поддержки?

Я только помню, как, приехав в Ленинград, я позвонил ему по телефону и как он долго сомневался — я ли это, а когда мы встретились, сказал мне: «Ты знаешь, твой звонок был первым. Мне теперь почти никто не звонит, а когда я встречаю знакомых на улице, некоторые из них, проходя мимо меня, разглядывают вывески на Невском так внимательно, будто видят их впервые».

И грустные глаза этого удивительного человека стали еще грустнее.

Есть у меня друзья, каждое воспоминание о которых туманит взор. Я о них еще напишу. Но Михаил Михайлович Зощенко был среди них одним из лучших.

Говорят о писательском бессмертии... Думается мне, что творчество Зощенко предстоит очень долгая жизнь.

Ах, если бы он знал, что будет издана книга о нем, что друзья, знающие и любившие его, расскажут — какой он был замечательный писатель и какой большой человек!..

Лучше и не скажешь: Замечательный Писатель и Большой Человек!